

Мурайт
Ауззов

УЙТИ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

ЕСЕНТАЙ

XII. 1973 г. Семь месяцев провел в суете, в заботах, далеких от истинных моих интересов. И прежде бывали большие перепады во времени между радостными состояниями работы, но так долго и так изнурительно время еще не тянулось никогда. На этот раз было много того, что иначе не назовешь, как лжезанятостью. Якобы оправданная суета – подготовка к конференции, конференция, завершающая стадия. Как ошибался я, говоря когда-то, что мы придем к творчеству неуспавшими, неиздерганными, полными сил и решимости. Осталась, пожалуй, одна решимость. Устали, издерганы мы. И снова тяжесть суеты ложится на наши плечи. А те, кто хорош был в показательных ситуациях конференции, уже освободили себя от забот. Они-то и полны сил для творчества. Ну что же. Что касается меня, так это заслуженная расплата за колебания и броски. А им – дай бог еще больших сил!

Что-то случилось с погодой. Зима в город входит натужно. Никак не выпадет снег. Деревья стоят белые, улица белая, но все это – иней, не снег. Оцепенел город. Тяжелая, густая пыль висит над домами. Трудно дышать. Прогуливаемся, стараясь дышать неглубоко, осторожно. Середина декабря. На днях большой группой выехали за город, осматривали камень с древнетюркскими письменами. Величественные скалы, готовые полотна для лучших художников. Так понимали их назначение и в древние времена. Глубоко прочерченными линиями изображены буддистские боги. Крупные буквы тибетских надписей. Между Капчагаем и скалами – песчаные барханы. Песок зимой холодный, разваливающийся, редкие травы схвачены инеем. Все мы были немного деформированы увиденным. Разумеется, в скалах этих должно быть одиноко, в одиночку нужно к ним приходить. Дорогу найти к ним просто.

12/III. 1975 г. С каждым днем становится все более очевидным факт, что формой, средством, способом жизни для меня может быть только литература. Много времени упущено. Вряд ли кто-нибудь, узнав о моих намерениях, усомнится в том. Что ждет меня – крах. В возрасте тридцати двух лет братья за перо – неразумно. Я и сам это понимаю... Но что делать с этим бесконечным ночным бредом, когда

Продолжение. Начало в №1, 2023.

откровенно литературные персонажи живут, действуют в моем мозгу, говорят, держат блистательные глубокомысленные монологи? – и это непрерывно вот уже который год... Они прорываются в мою дневную жизнь... и доставляют столько хлопот... Я должен их обуздать. Литература – способ самосохранения, самозащиты, продолжения жизни...

7/V.1975 г. Ну вот и настала пора равновесия. Помню это ощущение – так бывало на высокогорных перевалах. Қадыр¹ спросил сегодня: а что делаешь сам? И подробно, доверительно рассказал о книге, композиция которой долго не складывалась, но в конце концов уложилась в нечто такое, восприятия чего читателями он ожидает, волнуясь. Больше десятка книг выпустил он, и вот надо же – волнуется. Сатимжан пишет. Откровенно идет на переживания. Заметно экзальтирован. Но книгу выстрадает, в этом я не сомневаюсь.

Сны и состояния опьянения у многих из нас – невротические.

Избавление – разворот на 180°. Вывести забытые, загнанные, деформированные мысли из закоулков хмельного, беспокойно дремлющего сознания.

Утро, день, вечер – для жизни и осмысления, ночь – действительно для отдохновения. Вернуть отдых мозгу, вернуть безмятежные сновидения.

27/VI.1975 г. После событий (еще незавершившихся) сегодняшнего 27 июня я знаю наверняка, что дух моего отца в той мере, в какой он мрачен, не осуществлен в Письме, избрал земным пристанищем своим мою дорогу. Я был последним близким ему человеком, беседовавшим с ним перед кончиной. Когда его хоронили, я был и остаюсь единственным, унесшим в дрящущую жизнь его посмертный поцелуй. Нет для меня удивительного в том, что ко мне льнет Приходивший ко мне по праздникам. Отчего, непонятно, не покидает меня в суете и в заботах?

29/X.1975 г. Наступила глубокая осень. Я долго, в течение всех других сезонов, ожидал наступления этой поры. Опавшие листья, вечерний несильный дождь умиротворяют меня. Началось это давно. Не вспомню, пожалуй, когда именно. Но вот уже многие годы я ощущаю прошедшее как вереницу недолгих осенних вечеров. Возможно, потому, что только они дарили мне одиночество, спокойное, без суеты, без тоски по друзьям и событиям. В такие дни я выпадаю из собственного ритма и нахожу в этом удовлетворение. В прямом смысле слова это безыдейная для меня пора. Не помню случая, чтобы в дни уходящей осени я написал бы что-либо стоящее. Но вот – случай... Через двенадцать дней я *должен* сдать статью в журнал, а через пятнадцать – не меньшего объема в еще более важный. Накладывается еще и то, что в принципе я уже выплеснул из себя, выговорил, что хотел. Пуст. Самое время не спеша читать, выбирать по крупницам, наращивать неторопливо новое знание. Никогда еще не ощущал подобной слабости.

Пестрый, разноречивый материал – листаю и не нахожу зацепки, как бывало, не нахожу в себе азарта, интереса. Назойливо лезут ватно-вялые мысли – отделийся непретенциозной статьей, пиши, используя крепкие заготовки, составь, скомпануй и отдай.

Осень, осень с листьями и мокрым асфальтом, для того ли я ждал тебя долго? Осень кануна моего 33-летия...

¹ Қадыр Мырзалиев.

В конце декабря будет ясно, еду ли в США. Если поеду, сразу же по возвращению надо увольняться со всех работ. Естественно, жить будет практически не на что. Не будет – компромисса с обществом. Надо отстегнуться сразу – по всему шву.

Мой мозг не может жить в условиях компромисса. Это жизнеспособный и в достаточной мере спекулятивный мозг, но не может он быть сильным и созидающим, когда ощущает диктат и насилие над собой. Дорожу его достоинствами.

Подтверждаю: меня с детства согревал идеал тюркского могущества. Власть этого идеала над собой признаю и сейчас.

Выпадаю из бесконечной и абсолютно безрезультатной игры в прятки с государством и всеми его учреждениями.

Лучше пасть от первого выстрела, чем от первого плевка собственной совести.

Сегодня получил зарплату – и подумал: хорошо мне! Но была и расплата – скованная, сгорбленная, сморщенная речь моя на ученом совете. Кому это нужно? Чем лучше я многих друзей своих, в конечном счете удовлетворившихся признанием их со стороны Службы?

У меня – бесспорное преимущество: я одинок, несу ответственность из живых – только за себя. Я шел к этому сознательно. И должен использовать свою ситуацию. У меня не было комплекса достижения, и нет поэтому усыпляющего совесть чувства достижения. Я имел все, ничего не имея. И это остается со мной, до смерти. Плоть не разнуждана, в состоянии привыкнуть к лишениям, к пище святой и надежной – к хлебу с водой, к молоку и травам. Обретая лишения, избавляюсь от необходимости быть вежливым, чутким, к чему постоянно вынуждали меня материальные преимущества, избавляюсь от фарисейства и сладкоречивой скромности.

С наступлением сезона жизни, Мурат!

22/XI.1975 г. Достижимо ли равновесие?

В конечном счете филологические упражнения Сариева – не что иное, как изыскания литературного персонажа. Да, он пишет статьи, анализирует литературный процесс, пытается осмыслить движение национальной культуры в целом, для чего изучает историю своего и других народов, связи, столкновения национальных миров во всем обозримом историческом диапазоне. Он ищет в истории образцы ситуаций, аналогичных той, в которой, как ему представляется, находится он сам и его современники. Пытается разгадать в каждой из них то, что помогало культуре, духовности выйти из застоя, подавленности. Надеется обнаружить некие общие закономерности борьбы в духовной сфере, оснастить этим знанием друзей и подготовить из них соратников. Сариев – литературный персонаж, и потому последователен, одержим, до конца осуществляет свое предназначение, свою функцию. Он терпит поражения, самолюбие его бывает ущемлено, жизнь, временами, загоняет его как волка, – и не будь Сариев литературным персонажем, он давно уже был бы растоптан, смят, раздавлен – или – деградировал бы как личность. Собственно, вся его жизнь проходит по этой роковой черте, на грани катастрофы и возможностей духовного взлета. Впрочем, и взлететь, подняться высоко ему не дано: Сариев – литературный персонаж.

Сариеву тесно в жанре, в котором выводит его на сцену автор. Он горд, потому что гордой была сталь пера в обезволенной руке автора. Сариев склоняет голову, оттого что горд, сутулится, потому что имеет хороший рост, запинаясь

в речи, потому что владеет Словом. Распыляется в мелочах, ибо несоразмерно больше их. Ему тесно.

Сариеву не удается решить проблему, которая не стоит перед большинством людей, но на нем сошлась остро и драматически. Человек – продолжатель рода (для большинства это не постулируется, на Сариеве висит этот груз) и личность (Сариев предрасположен быть личностью).

Л. Фриш: *«Иногда и мне кажется, что всякая книга, коль скоро она не посвящена предотвращению войны, созданию лучшего общества и так далее, бессмысленна, пуста, безответственна, скучна, не заслуживает того, чтобы ее читали, неуместна. Сейчас не время для историй чьего-то “я”. И все-таки человеческая жизнь вершится или глумится над каждым отдельным “я”, больше нигде».* («Ин. лит.», 1975, № 4–6).

6/XII.1975 г. Неужели это жизнь? Сариев мечется среди упорядоченных бумаг – всевозможных записей, набросков, писем – среди всего этого неопровержимого свидетельства неупорядоченности его стремительно завершающейся биографии. Сариев топчет стружки в так называемой «мастерской», наспех собранной им в пустой и холодной кухне. Плотницкие занятия затеял он в минуты отчаяния и остывает к ним, поскольку чувство одиночества охватывает его подолгу, и нет забавы, способной хотя бы на время избавить Сариева от тоски. Он потерял интерес к привычным и никогда не утомлявшим его занятиям. Возникло желание забыться – «в чтении», полагает Сариев. Все последнее время он занимался национальными проблемами в культуре своего этноса и вдруг обнаружил, что никому нет дела до его головоломных и хитроумных блужданий тропами поиска. Пределен ли этнос в своих духовных потребностях?

XII.1975 г.

В чем состоять будет «взрыв»? –

В книге о Новом Туране, творимой неотрывно.

Сариев погибнет вместе со своим создателем.

Нет, недаром в буддизме, в исламе суфийского толка, в философии йогов (где еще?) существуют представления о ступенях приближения к Богу (к истине, к святости). В даосизме – как?

Ясно все – в христианстве, в конфуцианстве. Интересно было бы рассмотреть под этим углом зрения мировые религии.

Христианство обращено ко всем и к каждому. Суфизм же, к примеру, требует от своих последователей постепенного восхождения к состоянию, при котором истинно верующему открывается нечто, сокрытое от массы верующих. Движение в формах самосовершенствования к прозрению. Возникает, в связи со сказанным, представление о пророках двух типов: пророк для массы, пророк для избранных.

В движении к суверенному национальному самосознанию я достиг ступени решимости высказать все без боязни, без оглядок на что бы то ни было. Не знаю, какое место в иерархии ступеней в данный момент занимаю. Готов к лишениям. Сегодня перечитывал с каким-то особым пристрастием «Записки из Мертвого

дома» Ф. Д. и ловил себя на том, что примеряю условия «Дома» к себе, к возможностям своего тела, своего духа. Не страшат страдания. Больше того, вдруг как-то очень деловито, перестраивая прежние планы, заработала в голове мысль о назревшей *необходимости* страданий. Есть ли в такого рода страданиях что-либо другое, кроме мазохизма? Не могу, не хочу рассуждать об этом. Я *ощутил* потребность в лишениях. Возможно, потому, что где-то здесь соответствие между духовным состоянием и наличной жизнью.

13/XII.1975 г. Черная пятница.

Вспомнив с утра, что сегодня черная пятница, остался дома. Занялся уборкой. Лежат сваленные в кучу книги, накрытые брезентом. Условия идеальные для неторопливого, выборочного чтения. Но – одолевает инерция – не переносу одиночества. Вышел из дома – на улице мороз, стал набирать телефоны знакомых, пока одного из них не сумел уговорить приехать ко мне на чай и картошку. Чистил картошку и размечтался о весне, о лете. Из глубины зимы мечтаю о времени, когда позовут в дорого птицы, пыль, зной.

19/XII.1975 г. Голый воды не боится – полагают казахи. Сариев обнажился. Отныне он уязвим. Его может укусить собака, может плюнуть на него прохожий. Однако Сариев обрел нечто более важное – внутреннюю неуязвимость, бесстрашие перед водой, на побережье которой прохожие и собаки могут только толпиться. Нужна ли ему вода? Не станет ли он сам подобен собаке, которую столкнули в воду, чтобы затем добить? Вода – не то же ли самое утешение для него, что и для айтматовского мальчика-рыбы? Нет. Здесь все гораздо серьезней. Сариева привлекает глубина и динамичная сила потока. То, чего нет в сухопутном окружении. Сариев сознательно обнажился перед толпой. Это действие лишает его возможности впредь общаться с окружающими. Сариев избавился (или мнит, что избавился) от многих манящих соблазнов, воспринимавшихся им в последнее время особенно остро. Теперь, когда все уже осталось в прошлом, Сариев испытывает облегчение. Позади остались химеры, чудовища, Сцилла и Харибда. Впереди – простор. Сариев – пловец, и верит в свои силы. И все же – не страшно ли плыть в безбрежье? Сариев готов плыть до полного истощения сил. Он выбрал для себя эту участь, потому что гибель в избранных просторах предпочтительней для него жизни в очерченных пределах.

1975 г. В случае, если рукопись будет доведена до конца, я найду слова, которые уместно предварят все написанное позже. Уверенности в благополучном ее завершении нет. Причин сомневаться немало. Главная – вполне тривиальна. Ощущаемая мной и подтверждаемая фактами осведомленность органов государственной безопасности о многом из того, что в моей квартире происходит. Генетически я наделен достаточно крепкой нервной системой. О мании преследования не может быть речи. Но когда один из друзей, вот уже многие годы посещающий мой дом, в доверительной беседе рассказал, как в ответах на расспросы сотрудников КГБ он поддерживает мою репутацию человека лояльного, мне стало не по себе. Не страх испытал я, нет. Просто вспомнилась описанная Ю. Домбровским в «Хранителе древностей» атмосфера августовских ночей 37-го года, пропитанных запахом зреющего апорта и густо настоянных на чувстве всеобщей тревоги.

Вырос в семье репрессированного поэта. К событиям 37-го года отношусь страстно и определенно. Вижу возможность новых репрессий. Предвижу, против кого будет направлен очередной удар. Не страшусь этой встречи. Единственное желание – успеть, хотя бы частично, оформить в письменном слове свою реплику в этом безнадежном, навязанном ситуацией диалоге. И еще хотел бы – идти под нож репрессий не так, как шли в 37-м: безропотно, покорно, не зная, за что, а с оружием в руках и в мышлении. Вот уже многие дни я в состоянии заснуть, лишь вызвав в представлении готовый к бою пулемет. Последние слова, с которыми погружаюсь в сон: два пулемета. Почему «два»? Потому, что два все же больше, чем один...

Итак, приступая к рукописи, беру за правило отпечатывать на машинке каждые десять страниц написанного текста и размещать напечатанное таким образом, чтобы о местонахождении хотя бы одного экземпляра не знал бы никто из круга близких. Грустно, конечно же, станет, если в один прекрасный день обнаружится, что именно этот экземпляр с самого начала попадал в руки Цензора. Все может быть. Какие уж из нас конспираторы – из меня, да и из нескольких поколений укрошенных советских тюрков, в числе других способностей активной жизнедеятельности давно лишенных способности вести нелегальную борьбу.

Но как бы ни сложилась судьба рукописи, не единой надеждой на некую будущность ее поддерживается решимость работать над ней. В числе стимулов и понимание своего нравственного долга перед общественным сознанием современных казахов, и самая что ни на есть земная забота о собственном духовном статусе, которому непременно нужно быть в союзе с живым и свободным слово-мышлением, и, наконец, вера, столь же глубокая, как и идеалистическая по существу, в то, что сам факт оформления в слове идей гражданственности, независимо от степени их популяризации, обладает тектонической силой сотрясения основ и производных чуждого времени.

XIII. 1975 г. По всей вероятности, сил в этой жизни хватит лишь на одну книгу. Но это должна быть настоящая книга – не игра в литературу, в политику, в философию и пр., а суммированный, в должной мере художественный, политический, общественно-значимый вывод из собственной жизни, в которой так много переплетений с тем, что составляло драму тюркской интеллигенции в условиях советской действительности. Долой Сариева! Мелкотравчатое копание в тайниках души убогого двойника не приведет к цели. Надо найти интонацию Голоса. Ни в коем случае не слезливая элегия. Трезвый, сухой анализ потерь и поражений. Чуть-чуть воспаленный бред о Новом Туране. Напор, натиск в разрушении нормативной этики. Необходимо наполнить свежей, горячей кровью понятия «гордость», «достоинство», «свобода». Внушить любовь к воле, готовность к жертвенности, гибели в борьбе. *Мы долго искали средства, способные привить нам вкус к свободе. Отыскивали для этого «закрытые» реалии в истории и на чужих территориях. Настала пора возвращения. Время борьбы за свободу на своей земле и в свое время.* Аскеты, подвижники, исторические прототипы, умевшие смотреть сквозь пелену условий, казавшихся неодолимыми, окончательными – они должны войти в число наших соратников. Важно выбить из рук государства самое подлое и самое, к сожалению, действенное оружие – подкуп благами. Противопоставить ему умеренность, умение ограничиться малым, самым необходимым. Прошла

пора безвольного протеста, пассивных форм борьбы. Нужны физически здоровые люди, не затуманивающие голов своих вином и сомнениями. Нужны боевики, ловкие и решительные люди, умеющие стрелять, могущие карать и сохраниться. До сих пор мы обнаруживали физическое тело этноса, гордились и радовались, когда это удавалось сделать. Нас радуют Отрар и Фараби, Коркут и прочее историческое наследие. Но только то из прошлого достойно любви и внимания, что поддержит нас в нашем движении к Новому Турану. Ограниченность летящей в цель стрелы сопутствует нам, и это не так уж огорчительно.

9/1.1976 г. Культура предполагает наличие свободных людей – не нами было сказано, но в ситуации, аналогичной нашей. Не история, не другие формы национального самоутешения, но именно свободные люди, свободные в своем мышлении, в своих поступках, могут вывести культуру из состояния оцепенения, придать ей жизненную и жизнотворящую силу. Сознание свободной личности не может быть фрагментарным. Люди, признавшие смыслом своей жизни борьбу за сохранение, развитие, утверждение своего этноса и его культуры, не могут замыкаться на уровнях просветительства или специализации в отдельных сферах общественного сознания. Коллективный мозг сражающегося этноса – не абстракция. Носителем его являются индивиды – свободные люди. И вся совокупность форм общественного сознания должна быть присуща им как необходимое качество. Только в этом случае личность обретает способность выполнить свою историческую роль. Национальное самосознание, ограниченное простым «культурничеством», бесплодно. Для полноценного и плодотворного функционирования ему необходимо быть теоретическим, идеологическим и политическим знанием. Путь, который предстоит совершить народу в движении к суверенности, должен целиком быть пройденным в сознании индивида. Этапы, периоды – достояние исторического процесса, но в мышлении они должны быть освоены уже в начале пути. В культурном движении 60-х годов подспудно содержалась идея духовной суверенности. Но мало кто домысливал ее до конца. Движение, празднично начатое, постепенно теряло целенаправленность. И теперь мы с горечью можем отметить кружение, топтание на месте или отчаянные, как в случае с О. С., порывы, но не поступательное движение. Сложившаяся ситуация, с точки зрения интересов Нового Турана, пожалуй, оптимистична. Противоречия обнажились и прояснили недостаточность половинчатого патриотизма, которым подогреты были искания 60-х годов. Объективное содержание культурного движения 60-х годов было намного серьезней, чем в том признавались себе его лидеры. Оно откровенно оппозиционно государству и строю, идеологической и политической платформе системы, включившей в себя на модифицированных колониальных началах историческое бытие казахов. Это обстоятельство не могло не проясниться в ходе эволюции движения. И, как не раз в истории случалось, первыми это поняли те, против кого движение было направлено. Ожидаемые репрессии. Посуровеют со временем. Страусиная политика губительна (не только наивна). Она лишила лидеров 60-х годов умения маневрировать стратегическими и тактическими средствами. Действия полусвободных людей обречены на бесславный конец.

11/1.1976 г. Сегодня долго и с удовольствием читал «Таджиков» Бабаджана Гафурова. Не многим можно утешиться в этой жизни, история – едва ли не по-

следнее пристанище... Начинает действовать как наркотик – успокаивает и слегка пьянит. Это ли нужно? Удручающе действуют на меня грустные чукотские рассказы Юрия Рытхэу – в них так явственна беззащитность тундры, большого пространства, казавшихся неподвластными суетности века. Яркий пластик, транзисторы и прочий кошмар цивилизации поразил и эту обетованную землю. Впрочем, не это страшно – ужасает, вселяет чувство безысходности и отчаяния все тот же холодный, бездушный примитив «осовременивания», с которым сплошь и рядом сталкиваешься в своем быту. В пространстве ныне нет простора. Остаются история и человек, человек с реальными глубинами его души и чувствований. Остается философия... В ней легче найти утешение... и потому следует быть настороженней... Не следует погружаться в нее как в омут... Проблемы разрешимы. По крайней мере в мышлении, в идеале. Это единственная надежда и в конечном счете единственное оправдание жизни человека, зашедшего так далеко в отождествлении себя с духовностью этноса, как Сариев. Сариев расщеплен, раздроблен, подвержен истерике, лишен жизнеспособности в той мере, в какой уязвим и беспомощен дух советских тюрков. Но... хватит отождествлений, иначе недалеко и до драматической развязки. Необходимо выжить, выжить, не выбрасывая ничего из собственной духовности, добытой ценой отрицания бытовой устроенности, личной жизни. Выжить в качестве носителя сражающегося национального самосознания.

Важно то, что уже вполне ощутима разница между беллетристикой и серьезной литературой, недостаточность беллетристики и потребность в жанре, способном адекватно выразить состояние. Это важно для обретения интонации Голоса.

Ирреволюция – типичное состояние тех, кто пережил «Жас тулпар». Печальное зрелище представляют собой молодые еще люди, пережившие собственную идею. Агония сильной и ответственной идеи обрекает своих носителей на сильные душевные потрясения. Это логично, и так происходит везде, но только не в среде и в биографии вчерашних кочевников. Спокойно продолжают существовать тени во плоти: ни печали, ни потрясений, ни угрызений совести.

20/1.1976 г. Еще не раз в этом городе выпадут дожди. Будут зеленеть травы. Ароматы исходящей паром земли будут слышны, и Сариев будет ощущать их как в детстве, как в прошлом – сотни и тысячи лет назад. Сариев неистребим не оттого, что он литературный персонаж. Жизнь всегда конкретна, даже в том случае, когда имеется в виду жизнь этноса, исчисляемая тысячелетиями. В каждой религии, безусловно, есть рациональное зерно. Буддисты правы, говоря о бессмертии души, переживающей бесконечный ряд перевоплощений. В каждом этносе есть определенное число «бессмертных» душ, из века в век несущих этический субстрат народа. Оттого народ бессмертен. Достоинства души не наследуемы генетически. Дело не в их природе и происхождении. Важно то, что они неистребимы. Они существуют и непременно находят физическое тело, через которое реализуются. Обрекают своего носителя на лишения, хулу, гонения, гибель, но никогда – на бесчестье. Сариев горд и отважен, ему не страшны химеры обыденной жизни. Он никогда не лишится обоняния, глаза его сумеют увидеть «мокрую смородину», уши – различить стон поленьев в огне. Природному началу в нем не грозит исчезновение в условиях НТР, урбанизации.

Сариев слишком похож на «я». И в то же время, в отличие от «я», обескрылен. Пульсирующий, как горячая кровь, монолог ему неведом. Дело не в форме. Нет в Сариеве предощущения истины. Он до сих пор выкарабкивается из ловушек ленивых, инерционных фраз. Он слишком часто «приходит» – к решению, к пониманию... к успокоению... вместо того, чтобы «уйти» надолго, блуждая. Время распада, чреватое грядущим единством.

1976 г. Искусство не открывает, а создает реальность. Художник слышит гул. Образы реализуют услышанное, материализуют в слова, краски, мелодии. Создается новая реальность.

30/X.1976 г. Зачем встал?

Проснулся среди ночи. Бредил. Говорил высокие и точные слова. Проснулся – все улетучилось.

Продолжаю идти окольным путем. Захватываю широкую орбиту. Но взгляд мой скошен к центру воронки. Подсознание устремлено к жутковатым глубинам.

Этика – последний ли посторонний интерес?

Не суть вещей, но суть отношений подвластна моему пониманию. Лучше, чем кому-либо еще. Играющая, неуловимая, изменчивая суть отношений – воск в моих руках.

Чаша пуста? Чаша исходит в жажде.

1976 г. Признаю способность человека к совершенствованию.

Борьбу противоречий признаю движущей силой развития.

В противоборстве Добра и Зла стою на стороне Добра.

Откуда же усталость, вялость?

Не с тем, не за то и не так боролся?

Очистить зерна от плевел – начиная с себя.

Наркотическое действие «вражьих» голосов. Осознаю их спекулятивность, но что-то серьезное стоит за ними, и потому душа приемлет их и нуждается в них. Отчего же не приемлет более «патриотического» скулежа? Нет за ним серьезного – может быть, поэтому? В скулеже или в самой действительности? Есть ли почва для оппозиционного патриотизма в самой действительности?

Москва, январь 1977 года

Мобилизованная в жизнедеятельности родителей, на мне природа отдыхает. Вскипает временами, но либо режвась, либо пробуя: не иссякла ли вконец... и охотно флиртует с капризами и превратностями судьбы. Ее шалости давно и безоговорочно лишили меня надежды на нормальную человеческую жизнь, на устроенное, благополучное существование. Как должное привык я воспринимать обескураживающую закономерность: каждый реальный шанс жизненного благоустройства подсекается незамедлительным и сокрушающим вторжением случайностей. Когда-нибудь, иншалла¹, располагая свободным временем, я припомню подробно: как ложились, одна за другой, тугие петли невероятного стечения обстоятельств, жестко предопределивших в конечном счете мое нынешнее

¹ Даст Бог.

состояние. Сейчас этой возможности нет. Осталось две с небольшим недели до критической точки в моей биографии. Предстоит исчерпывающе полное выяснение отношений с властями. И я прошу прихотливую судьбу свою о единственном одолжении – попридержать игривую стаю случайностей... Право, меня они больше не волнуют: не ввергают в отчаяние и не забавляют... Назойливое, неотступное присутствие их мне наскучило. Две недели плюс два-три дня – пусть передохнут. А я тем временем подготовлюсь к встрече, сложу свой монолог и отточу его для боя. Невесть какой щедрости выпрашиваю, но если дарована будет пауза, с азартом брошу всю свою последующую жизнь в бесноватое пламя разгула случайностей.

Тот, кому доведется читать эти записи, поймет, с какой неохотой вел я их. Мне чужд язык записанных слов. Куда милее – привычная, ласковая температура слов устных. В беседах осваивал я этот мир. Думал, переживал, восторгался, приходил в отчаяние и... умел, умел обрести душевное равновесие, одолеть суету искушений, упорядочить ворох сомнений, разочарований, надежд. Холодными южными ночами протягивает индус озябшие руки к пламени крошечного костра. Так и я: не разжигал костров полыхающих, грелся у соразмерных своей судьбе, своим возможностям небольших огней диалогов с друзьями, неспешных, как акт творения, монологов.

Одолев соблазны льгот и привилегий, готовый в потребностях ограничиться малым и обретший в награду устойчивость и ясность душевную, мог бы и я спокойно завершить свой путь на земле... Но подворачивает фитиль в лампе старая Жания, увеличивая пламя – «Шырағым, жазатынынды жаз»¹, утихомиривает многочисленных детей С. С. и строго наказывает им не шуметь, когда беру в руки бумагу. Выскажись! Эту надежду на взявшего в руки перо, это пристрастное, молитвенно-настоятельное отношение я наблюдал не раз в казахских семьях и изучил достаточно хорошо, чтобы не спутать с традиционной любовью к слову. Блистательные ораторы, виртуозы образов, метафор, парадоксов никогда не переводились в казахской среде. Но были и остаются провалы, выжженные полосы в биографии слова свободного, слова гордого и правдивого. Потребность в нем подспудно живет в сознании народа, и женщины, с их безошибочным материнским инстинктом, вслушиваются в речь говорящего, всматриваются в написанные тексты, подобно тому, как в стародавние времена хранительницы огня вглядывались в дыхание пламени. Обостренное внимание их тревожит, выбивает из равновесия, рождает чувство вины за нарушение каких-то очень простых, естественных и исключительно важных норм нравственного долга.

Я не переоцениваю своих способностей, в частности, меру собственной проницательности. Понимаю, что намерение высказаться правдиво и само правдивое слово могут и не совпасть. Доброе намерение может оказаться в плену иллюзий. В этом случае чистота и искренность его не будут иметь никакого значения. *Но слишком долго извивалось казахское слово, вынужденное угождать, пресмыкаться, прислуживать... чтобы преждевременной, неподготовленной или чрезмерно дерзкой воспринималась любая попытка восстановить его в статусе суверенного, свободно мыслящего слова.*

Мой русский язык – тот же непритязательный, маленький костер, огня которого вполне было достаточно, чтобы осветить определенный объем информации и лица собеседников. Русским языком творить казахское вольное

¹ «Дорогой мой, пиши, что задумал!»

слово... попытка возможна, твердая решимость моя меня в том убеждает, но и сложна, хотя бы потому, что этот язык всегда ощущался мною как чуждый, способный выразить мое ожесточение, но не любовь, не чувства нежные, глубоко интимные, беззащитные в своей откровенности. Это нелегко объяснить, но факт остается: даже в те периоды своей жизни, когда владел только русским языком, я не доверял ему своих самых глубоких переживаний. Всегда находились, а порою и просто придумывались звуко сочетания, фонетически близкие к словам сокровенным в тюркоязычной лексике. За этим не было сознательной позиции, осознанных протюркских настроений. Мы, русскоязычные казахи, начинали осваивать мир с помощью звуков, ритма, мелодики, знаков родной речи. В нашем русском языке, как правило, не функционирует с полной мерой нагрузки лексический слой детских слов, первых, крупных, святых. С этим связано и отнюдь не пиететное отношение русскоязычных казахов к русскому языку, склонность с ним экспериментировать.

Наиболее точным определением умонастроений, сложившихся в среде русскоязычной казахской интеллигенции 60–70-х годов, является *инакомыслие в формах патриотизма*. Важно в этом разобраться.

Собственно говоря, речь идет не о всех казахах, получивших образование на русском языке, а о той их части, которая выдвинула из своей среды О. С. и долгое время возрастала под сильнейшим влиянием его устных и печатных выступлений.

Что представляет собой эта среда? Какова ее социально-психологическая характеристика?

Инакомыслие в Казахстане по времени своего зарождения (60-е годы) совпадает с появлением русского инакомыслия. Критика культа личности. Атмосфера в масштабах страны. Однако в дальнейшем казахское инакомыслие начинает развиваться своими путями. Критика культа личности и общая (кратковременная) демократизация общественной жизни явились, по сути дела, формально общим моментом для казахского и общесоюзного инакомыслия. Сложилась благоприятная атмосфера для суверенного осмысления собственных проблем. И здесь обнаружилось, что наши проблемы своеобразны, специфичны. Могут быть решены в контексте собственного политического движения.

«Инакомыслие в формах патриотизма» – это признание Цели не в создании суверенного государства (очевидная невозможность ее осуществления гасила многие добрые намерения), а в переустройстве существующего в соответствии с одной из платформ русской оппозиции, сохраняя надежду на деятельное участие в ее конечном определении. Параллельно (иррационально) осмысливать возможность реализации идеального – создания суверенного тюркского государства.

Инакомыслие – в чем и как развивалось?

Камертон – «аруах», предки, кочевье, средневековые города.

Одновременно – «Альфа гениальности» Шокана Алимбаева.

Стремление обнаружить прочность национального бытия в прошлом и в будущем. Отсюда – «пристальный» взгляд, детализация. *Монологи*. Диалоги, как правило, слабы, не удаются. *Рассуждения*, еще не наступила пора *обсуждений*. XX век. Трагические события. Восстания, революция, коллективизация, репрессии 37-го, война, репрессии 51-го.

Простая арифметика свидетельствует о масштабах трагедии.

Страх. Отказ от мышления. Забвению – эпос, героику, величие. «Вполне приручены!» Алкоголизм, маразм, времяпрепровождение выживших. Трайбализм, цинизм. Спесь. Возрождение, пышное цветение худших инстинктов.

Дети репрессированных. Инстинкт самосохранения. Отказ от личностного мировоззрения. Готовность удовлетвориться благами быта.

Забита нормативная этика (нет прочного духовного стержня). Нет жертвенности. Готовности идти на смерть во имя...

Это характеризует всю историю. Исключения редки. *Махамбет – повез сына в русскую школу*. Шар – кочевник. Вроде бы ничего не теряет оттого, что повернется иначе. Магжан – «от 10 к 90». Ауэзов – письмо с признанием ошибок. Абай вполне компромиссен.

Кто из погибших шел до конца? Не уверен, что были такие.

Выпрямление кольца... Нужно? – Необходимо.

60-е годы – формируют национальное самосознание народа. О. С. – дошел до предела своих возможностей. Любит жить. Не берет креста страданий, лишений. Но – появился Ш. Алимбаев. Беспрецедентный случай жертвенности, но замешан на огромном, всепоглощающем честолюбии. Честолюбием движимы С. Санбаев, М. Магауин. Снедаем ужасающим честолюбием Аскар. Нет спокойной, неэкзальтированной жертвенности (есть в женщинах).

История. Экскурс (вскрывая ее красоту, смысл, величие, в то же время – одолевая, избавляясь от «кошмара»).

Гордый дух.

Хорошая заповедь: не нужно объяснять одни формы *сознания* через другие... следует стремиться объяснить их через нечто принципиально иное, т. е. через *общественное бытие* (истмат).

Самое доброжелательное прочтение истории тюркских кочевых племен доставит не слишком много минут радости ищущему примеров героических деяний. Пожалуй, только образцы древнетюркской поэзии могут засвидетельствовать душевную отвагу их создателей, поднявшихся на безнадежную, казалось бы, борьбу с табгачами в твердой решимости лучше погибнуть, чем терпеть унижения. Во всех прочих случаях (исключение – история взаимоотношений Чингизхана и Джамухи) мы не встретим той героической жертвенности, готовности пойти на гибель во имя высших идеалов, которыми пестрит история земледельческо-оседлых племен и народов (*но – история скифского Сусанина Шырақа*). И дело здесь не столько в отсутствии собственной летописной истории. И в ней, скорее всего, обнаружилось бы не слишком много аналогий героическим деяниям, известным из устного и письменного слова оседлых. Были кочевники отважными воинами. И родину любили, и свободу. Но еще больше – самую жизнь, видя в ней осуществление всех смыслов бытия человека. Внимательней рассмотреть идеал героя (батыр – носитель надличной силы, личной отваги от него не требуется), героические деяния, тактику боя, единоборство.

Идеал жертвенности, самопожертвования, героического поступка в христианстве.

Махамбет, Абай, Магжан, Ауэзов – всегда можно было склонить к компромиссу.

Покаянное письмо О. С. может быть оправдано с точки зрения традиционной этики.

Но – формирующееся национальное самосознание народа не может с ним примириться.

«Не убудет»? Нет, убудет. В реальной истории мы выпрямляемся, обретаем линейность. «Шаровое» поведение – малодушно с точки зрения новой реальности, преступно с точки зрения становящегося национального самосознания.

Лучше погибнуть, чем терпеть унижения. Что, как не унижение, оскорбление национального достоинства, есть акт принуждения писать-под-давлением?

Наш Коран и наша Библия – «Да не погибнет тюркский народ! Да будет он народом!»

...Лучше умереть, чем терпеть унижения.

Этика готовит идеологию, политику, национально-освободительное движение.

Нравственно – безнравственно – эти категории должны работать активно в современном общественном процессе...

Наблюдается заметное несоответствие между динамикой роста национально-го самосознания в умах тех, кто некогда (в 60-е годы) взялся за это серьезно, и динамикой роста национального самосознания в умонастроениях подрастающей молодежи. В мышлении, занятом гражданственностью, процессы происходят динамично, драматически, достигают предельной остроты, критической точки. В реальности результаты этого мышления не обнаруживают существенных плодов своего воздействия. Не говорит ли это о том, что в формировании национального самосознания в период 60-х годов основную, решающую роль сыграли субъективные факторы? Такие, как Хрущев с его критикой культа, подготовившей инакомыслие, как О. С., «Жас Тулпар»? Совокупность этих факторов сформировало мощное, вполне сложившееся явление в масштабах национальной культуры, однако это скорее вспышка, а не долгое, ровное пламя. КД-60 не сумело затронуть глубинных чувств и старшего поколения. Явление существует, набирает силу, достигает исключительно важных результатов, но в то же время – как бы в стороне от общекультурного процесса, изолированно от него. Будоражит, волнует, привлекает, отталкивает – но все на уровне бытовых эмоций. Еще не захватывает, не подчиняет, не убеждает безоговорочно. Для того чтобы в конечном счете оно не осталось лишь в памяти историков как занимательный прецедент, ему необходимо постулировать собственную программу четче, шире, решительней, необходимо прорасти сквозь оградительные заслоны, воздвигаемые: а) сознательно – идеологическим аппаратом ЦК, б) бессознательно – инерцией массового народного мышления и экзальтацией, невротической торопливостью маргинальных патриотов. Необходимо найти выход к здоровому ядру национальной интеллигенции, ощущающему свою принадлежность к исконному, нерасшатанному национальному бытию и в то же время – достаточно чуткому к переменам, проблемам, не лишившемуся желания своим участием формировать суверенную национальную действительность.

Три тысячелетия истории кочевых племен не воспринимаю как чрезмерный хронологический срок. Связано ли это с возрастными особенностями, не знаю. Во всяком случае, сейчас, в возрасте 34 лет, три тысячелетия тюркской истории ощущаю вполне соразмерными собственным мыслительным способностям.

Могу понять движение духа на территории евразийского золотого пояса, реставрировать в представлении основные события, их причины и следствия, ощущаю закономерное появление религиозных систем, их столкновение, противоборство. Нет пресловутого тумана, покрывающего мраком неизвестности глубины веков. В прозрачном горном воздухе хорошо видны ущелья, долины и дали степные. Возможно, это «эвтюмия» – «хорошее расположение духа», по Демокриту, по сути – субъективное, ложное самоощущение... Но дай бог каждому знанию испытать то радостное ощущение прозорливости, умения приблизить и детально рассмотреть дальше, уловить его дыхание и пульс – ощущение, с которым я просыпаюсь каждое утро и которое не покидает меня до глубокой ночи. Ночь... ночами не вижу снов, но творю их... в подсознании гнездится сочинитель, упорно и скоро набрасывающий картины за картинами. Слова его отточены, труд вдохновенен. Когда просыпаюсь не вовремя, он недоволен, настаивает: слушай и смотри продолжение. Удивительно легка, изысканна по форме и глубокомысленна речь его. Дни и ночи славно трудится мозг мой. Так было не всегда. В губительном застое пребывал он, когда химеры суеты имели во мне право голоса. Съешь, выпей, обладай, владей – не слишком изобретательно, но шумно, настойчиво, изо дня в день гомонили они, подавляя чувства, сковывая мысль, обрекая ее на муки подневольного сна. «Э, не так!» Разумеется, не так все было. (Кстати, вспомним: теория логики не допускает (запрещает) внутреннего противоречия в рассуждении. В традициях кочевой тюркской поэзии (и в музыке) «Э, не так!» распространенный рефрен. О чем это говорит: об отсутствии логики с ее постулатами в речениях и творчестве степных народов или же о том, что свод логических законов должен быть расширен с учетом логических традиций номадов?)

Было иначе. Соблазны устроенной жизни никогда не волновали меня всерьез. Пища, одежда, кров, женщины, власть, успех, слава – на все это я смотрел вскользь и никогда – в упор. Не помню случаев, когда бы сильно желал заполучить, овладеть, завоевать. Признавал человеческим право стремиться к этому, но никогда не впадал в экстатическое состояние, участвовал в хороводе, но не был страстно хотящим солистом. Серьезно воспринимал я долг и ответственность. Это взросло во мне с детства и укоренилось – в словах, в поступках, в образе мыслей. Ощущалось окружающими – безо всяких намерений с моей стороны в детские и юношеские годы я становился: на улице – атаманом ватаг и шаек, в школе и в институте – старостой, председателем отряда, комсоргом, другими словами, лидером неформальных и формальных групп. В студенческие годы наступил апогей моей общественной деятельности: стал лидером мной же организованной казахской студенческой молодежи вузов Москвы. В это время и произошел переход от ответственности за личные действия к ответственности за судьбы в масштабах общественного единения. «Жас тулпар» был первой за многие последние годы формой организованного существования национальной общественной жизни, разумеется, в пределах, ограниченных социальным статусом студенчества. Развитыми чувствами долга и ответственности только и возможно объяснить конфликт, случившийся между властями и мной.

В условиях попрания национального достоинства, национальной гордости, мечты о суверенности конфликт между государством и личностью, осознавшей свою ответственность за общественное единение, именуемое народом, стал неизбежным. Тривиально, но... были иллюзии. Казалось, действуя постепенно,

целенаправленно, можно влиять на общекультурный процесс в республике. Действовать в общепринятых, дозволенных формах, насыщая их преобразующим содержанием. Стимулировать, к примеру, исторический жанр в литературе и искусстве, вводить к островам суверенного познания гуманитарно-научную мысль. Был расчет на патриотизм идеологического аппарата в формах близорукости, способности «не разглядеть». Суперзрячими оказались аппаратчики, стали разбираться что к чему. Понимаю абсурдность тезиса... но, лишившись возможности печататься, обретаем способность думать и писать. История с книгой об эстетике кочевья¹ и с книгой О. С.² перетряхнула меня таким образом, что выстроились в боевые порядки мой разум, моя воля и моя совесть.

Вот как это было.

...Национальное самосознание – проникнутое чувством оптимизма, осмысленное отношение прогрессивной части народа к внутренним и внешним, историческим и современным факторам, определяющим его бытие.

Пытаясь выйти на связь с представителями других центральноазиатских регионов, сталкиваемся с препятствием. Неплохо научились говорить лозунги и общие слова. Однако в аргументации, в попытках обосновать или даже просто очертить проблему впадаем в факты, примеры своей локальной этносоциальной среды. Нет навыков мышления в масштабах более широкой общности, нет умения видеть общее в частных проблемах «котлованов». Отсюда – естественное чувство неудовлетворенности собой и друг другом, желание видеться не часто, ибо встречи несут разочарование, напряженность, уводят от главного, вместо того чтобы крепить солидарность. Надо перестраиваться в мышлении, обнаруживать «магистральные» линии. Не следует всякий раз начинать заново. Монологи должны быть продолжением предыдущих ступеней собственной эволюции. Это обяжет строже относиться к кругу знакомых, к строгости в застольном поведении. Где нет почвы, нечего и разглагольствовать. И если действительно иначе вести себя, иначе думать и говорить не можем, объективно стремиться будем к собеседникам испытанным, к соратникам в мысли и в духе. Умничанье среди щенят развращает мысль, придает ей эстрадный либо ложно-мудрый назидательный характер. В общении с ними уместней лаконично-инструктивный монолог. К убежденности через мыслительное сотворчество или через углубленный самоанализ им следует прийти самостоятельно, в своей среде-атмосфере. Законченное в форме суждение должно быть преподнесено им. Оно-то и проверит лучше всего, кто из них поистине умен, самостоятелен. Остается за ними право вынести собственное суждение, но дело иметь они должны уже с чем-то реально существующим, определенным, недвусмысленно обозначенным.

Подходят к концу дни жизни в общежитии гуманитарных факультетов МГУ. В крохотной комнатухе на 22-м этаже провел много времени (две с половиной недели).

Много читал историко-философской литературы. Обрел вкус. Намереваюсь в Алма-Ате философией заниматься основательно. Думал над «Генезисом». Записывал кое-что из того, что, по определению Гачева, можно было бы назвать «дневником своего духовного развития». Предполагал писать помногу, быстро.

¹ Монография «Эстетика кочевья. Познание мира традиционным казахским искусством». Алма-Ата: Наука, 1976. Весь тираж (3000 экз.) был уничтожен по решению Бюро ЦК Компартии Казахстана.

² О. Сулейменов. Аз и Я. Алма-Ата: Жазушы, 1975.

Не так получилось. В среднем – полторы-две странички за один присест. Второго, в течение дня, как правило, не бывало. Садился за стол вторично, чтобы читать гуманитарную классику.

Время для большого монолога еще не подошло. В том, что настанет, – не сомневаюсь.

Главное, что прочувствовал – пора отчаливать от берега юности, да и в целом молодых лет. Заселен он другими людьми. Густо заселен, и совсем другими. У них свои стадно-поколенческие инстинкты. Это так естественно, и удивляет, сотрясает, только когда впервые в упор с этим сталкиваешься.

19/III.1977 г. Нет, нет, нет и еще раз нет всему тому, что так последовательно, цепко, неотступно преследует меня в виде случайностей, невероятных совпадений, немыслимого стечения обстоятельств.

Хватит! Достаточно был я игрушкой в руках недоброй силы, оттягивающей встречу с Большим листом!..

Нет, нет, нет и еще раз нет! *Будет жить Слово!*

...Добро, воистину, имеет неисчерпаемые ресурсы самообеспечения.

Нам слишком тяжело, чтобы слово наше было легким.

Не ищите нас в беллетристике.

Кровоточат наши раны. И потому – не ищите нас в академических трудах.

Нам отпущен малый срок. И мы не оставим толстых книг.

Цензура прозорлива, отменно действует система государственной безопасности.

Но ищите, и найдете!

И.1977 г. Что ж молчишь и себя не являешь, Бог мой, тюрков Бог и покровитель?

Неужели зря всё затеяно и длится? Нет места в жизни тюркской гордости и тюркскому свободомыслию? Все зажато волей чужих богов, и они неодолимы?

Не верю. Не приемлю.

Я столько говорил, и все нужные слова, они будоражили людей и вдохновляли...

И нет им места? Не верю. Большая ложь большою тучей затянула небо. Пройдет туча, уйдет, рассеется, откроется небо, и я вздохну полной грудью.

А пока... быются, корчатся слова, умирают.

* * *

Не могу заснуть. Вчера проработал шестнадцать часов кряду. Прошедшей ночью мало спал. Сейчас четвертый час ночи.

Не тем, не тем занимаюсь. Не желаю больше никакого познания. Во мне проснулись вдруг китайский и английский языки, которыми долгое время не занимался. Бунтуют против дополнительного школярства.

Возникло острое, неодолимое желание – собраться в дорогу, не откладывая ни дня, и исчезнуть до осени.

Это не невроз. Просто душа вырвалась из-под контроля разума и диктует ему (впервые!) категоричные, бескомпромиссные условия.

Отличаюсь от писателей тем, что они могут лечить свой недуг словом, а я только действием, ибо я персонаж не собой придуманного литературного сюжета. То, что во мне принимают за способности критика, не что иное, как естественное

для агента литературы в миру знание своей среды. Я – оттуда, из произведения, продолжающего быть творимым.

По воле Автора ухожу в дорогу.

Не тут-то было. Отдохнувший за семь часов безмятежного сна, которому отдавалась душа, убаженная мечтой о дороге, мой разум стал деятельно и чрезвычайно оптимистично толковать ситуацию, не уговаривая, нет, а повелевая: не мечись! нет для тебя другой дальней, пыльной, знойной и светлой дороги, кроме той, на которой стоишь, а временами – и шествуешь.

Х.1977 г. Десятки раз приходил в эту комнату, слева от приемной О. С. Но только сегодня, войдя в сопровождении Р. К., решившей «официально» представить меня, услышал чрезмерный гул машин за окном, заметил грязные стены, ощутил тесноту комнаты, в которой три стола для трех консультантов, одним из которых я становлюсь с сегодняшнего дня. По наследству от Нутфуллы Шакинова досталось мне и кресло, удобное, мягкое, крутящееся. Письменный стол, свет неудобно падает справа. До Нутфуллы работал на моем нынешнем месте Азат. Выжат был Союзом. В своем роде фамильной, потомственной становится должность мелкого клерка при аппарате Союза писателей для нашей семьи. Выжат и выброшен был Азат. Я заступил на его место. Человек ли красит место или место человека?

* * *

После большого перерыва возвращаюсь к работе над Большим листом. Давно не писал, навыки порастерял, но не вкус и желание. Устным словом пробаблялся. Нужно было. Главным образом для того, чтобы ощутить время работы над Б. л. как длительное, дрящущее. Только роковая случайность, если иметь в виду обозримое будущее (два-три года), может оторвать от нее (рукописи). Коряво вяжутся слова. Но нет причин для тревоги. Придут, выстроятся в стройные и сильные ряды. Сознание вкупе с подкоркой отменно работали все это время. Не расплескал, не утерял основного – настроя ума и воли.

Собирал камни, настало время раскидывать. По рассчитанной, целеустремленной траектории. И потому – режим, трезвая раскладка материала, будничное творчество.

Многое выглядит (и по сути является) иначе. Не сдавленный хрип протеста, а яростный (без экзальтации) выпад в защиту современного национального человека.

Анализ написанного, подбор и раскладка идущего к делу, обработка, новое письмо. Жанр – Б. л., не отвлекаясь. Единство стиля.

27/VI.1977 г.

Растягиваю время.

Пишу не спеша, поскольку это письмо и есть моя жизнь.

Переживаю вновь (не пережевывая).

Вспоминаю в деталях, восхожу без страха к обобщениям.

Ухожу в стороны, в историю, мечтаю, бред в яранге при жарком огне.

С Богом общаюсь непринужденно, боль без надрыва, самоирония, усмешка над человеком и его планетарной судьбой.

Все это должно дать взрывчатую смесь.

Разрушаю Мету, размываю устойчивость во имя новой меры, во имя движения как оптимальной устойчивости.

...Да, тот самый день. Уже много лет в этот день со мной случаются из ряда вон выходящие события. Сегодня все прошло спокойно и ровно, если не считать обрушившейся на город пыльной бури, завершившейся долгим, теплым, обильным дождем.

Дождливая погода – моя стихия. Весь месяц стояла в городе удушающая жара, сковавшая мысли, волю, чувства. И вдруг – эта чудная прохлада, этот грозновеселый гомон могучего летнего ливня.

29-го утром вылетаем вместе с Булатом Каракуловым в Уральск, побродить по Уралу, людей посмотреть, песни послушать и записать.

Стало обыкновением – с первым летним зноем бросать все и уходить, исчезать из города до осени. Осень, как правило, плодотворна. Осенью писал статьи, выступления, разделы в книги, дневниковые записи.

Вот и сегодня поднял меня среди ночи зуд письма – хлынул дождь и стало похоже на осень.

Крохотный просвет прохлады в долгих днях одуряющей духоты, пыли, зноя. И именно в эти часы еще раз говорю себе: 1) нет и не будет меня в науке, 2) литература – мой мир.

Да, сегодня 27 июня – очередная годовщина кончины отца. Я выполню свой сыновний долг наилучшим образом, если реализую то, что во мне всего сильнее.

Если и сегодня Ты приходил ко мне, обещаю быть собранным, трудолюбивым, продуктивным, отважным и честным.

31/VIII.1977 г. Приветствую тебя, чистый лист бумаги! Лето провел в дорогах и вот вернулся к своему столу. Сегодня последний день лета, осень начинается хорошо – моросит дождь. Была дальняя, пыльная, знойная дорога, были высокие горы, пурга в середине лета, было глубокое, чистое озеро. Okрепло тело, впитало и солнце, и высей горных чистоту, и соль морскую, и ветер горячих пустынь. Ноги... надежные, крепкие, чуткие... хорошо, хорошо потрудились. Благодарю вас, ноги, за вашу любовь к дальним дорогам, высоким подъемам, за ваше умение уставать радостно, удовлетворенно.

2000 км по казахским районам Уральской области в поисках старинных песен, кюев... Пеший ход по морскому побережью из Сухуми в Гульрипш. Могила Чокана в Алтын-емеле, мавзолей Манаса в Таласской долине, переход через горы на Иссык-Куль с взятием «ложного» перевала. Ежедневные десяти-пятнадцатикилометровые прогулки по иссык-кульскому побережью. Славно потрудились ноги! А что же голова? Отдыхала?

Вернулся в город – взбунтовалась многострадальная... Категорично (и наяву, и во снах) протестует против эстетики, не пускает в институт, к привычным лицам и делам.

«Не ходи, – говорит, – к оскверненной эстетике».

«Сиди, – говорит, – дома и потолокуй с Сариевым».

«А не то, – говорит, – умрешь, – говорит, – ни за что пропадешь в суете».

9/IX.1977 г. В склонности своей уткнуться носом в книгу и проводить часы в этом хождении по чужим мирам узнаю старших братьев. Корысти в чтении нет, за исключением одной – потребительского отношения к литературе. Это нормальное отношение читателя к книге. И все было бы сносно, если бы не амбиции, не бес созидания, если бы не это упорное, жизнестойкое семя, прорастающее уродливо, убийственно медленно, но настойчиво и неотвратимо. Не бог весть какая новость, но обнаруживаю, удивляясь, феномен неизбежности занятия письмом. Проясняется тождество: жить значит писать. Других форм, способов, возможностей жить нет.

* * *

Иллюзий нет. Обстоятельства – могучая сила. Правы ли древние, наставлявшие: найди соответствие с зеркальной поверхностью стоячих вод? Стать совершенно послушным воле беспокойных течений? Ради чего? Чтобы выжить? Непривычно вынужденное «да»...

Что за ценность сохранить стремлюсь? Разве не главной, если не единственной, была способность переделывать, протестовать, создавать заново, т. е. то, что по духу, природе, предназначению, сути противоположно «покою»?

Пора духовной капитуляции? Перед людьми? Обстоятельствами? Логикой? Образом?

Признание бессмысленности прихода в этот мир?

Слова боюсь, или мысли, или действия? Боюсь ли?

Откуда это оцепенение, эта апатия, эта равнодушная готовность взорваться по случайному поводу, в случайном направлении?

Неужели гнездится в глубине сознания мысль, что был неправ в патриотических начинаниях, что на деле – «благополучно в королевстве Датском»?

10/IX.1977 г. Вчера ушел из театра после первого перерыва. Невмоготу было смотреть и слушать. Или душевный настрой не тот, или возраст, или пьеса («Сказки старого Арбата» – Лен. акад. театр) действительно слабая. Нечто настаивается во мне, не приемлющее совсем уж чуждое. Прежде было не так. Смотрел, любопытствуя многосторонне, любое зрелище. Уходит способность питаться всем. К добру ли?

11/IX.1977 г. Вот он – мой час в сутках, утренний, тотчас же после пробуждения.

«Общественный ясновидец» – сказал кто-то из зарубежных писателей об отце. Затрепетал я, прочитав это определение. За собой не раз замечал надличностную способность видеть сквозь пелену случайностей суть людских «общественных» отношений: в творчестве, в истории (созидаемой людьми). Да, мы потомки проповедников, пронесшие в себе сквозь века дар пророчества, ясного видения истины. Родовая специализация наша – темное, тайное, сокрытое для большинства делать для него явным, очевидным. Потому мы – муллы, учителя, писатели, критики, но никогда – вожди, власти предрержащие, философы, журналисты. Творим, отдавая душу, пишем собственной кровью.

Жақсыдан сөз шығады жан секілді,

Тамырдан атқылаған қан секілді¹.

¹ Слова добродетельного человека исходят из него как душа, как кровь, бьющая из вен.

И я горжусь своей «неуправляемой» психикой, своим чудно отлаженным организмом, бунтующими произвольно, сами по себе, вопреки рассудку, против кабалы обстоятельств, страстишек, воли сиюминутных людей. Полюнь, степь, горы, дорога образовали каркас и жилы моей духовности. У меня есть дополнительное измерение – взгляд из вечности. В сочетании с теплым, в хорошем ритме, оптимально в земных условиях бьющимся сердцем оно обеспечивает мне роль ясновидца среди людей. Я пережил соблазны «удобств» и гниения, вечного праздника и отчаяния. Полустанками было для меня то, что для других – заветная цель. Специальности, положение в обществе, бытовой комфорт – были достигнуты и оставлены, легко, без сожаления.

12/IX.1977 г. Судьбы людские... Вот они, перед глазами. Юноши стали мужами, вчерашние девочки – матерями семейств. Все это уже не первый год. Уже и дети их подбираются к юношескому возрасту. Совершается крупный цикл жизни, возрастает, восходит и уходит в обыденность целое поколение. Не простое поколение – начиналось героически. Московские казахи 60-х годов. Романтичное, с энтузиазмом, отвагой, готовностью к рискованному действию, было начало.

Поколение, наговорившее уйму неслыханных слов. Откуда шли те слова? Чем питались? Почему так волновали, будоражили, вдохновляли нас? И куда девались позже?

Не людей анализировать надо. Здесь достаточно собственного опыта. Сквозь людей, через их опосредование, анализ среды и обстоятельств нужен. Посмотреть, как в общем неплохие люди, увлекшись по человеческой святости светлыми мыслями, оказались раздавленными действительно тяжелыми для духа условиями.

14/IX.1977 г. Итак, имеет ли национальное самосознание реальную почву для своего существования в современной жизни казахов, населяющих Советский Казахстан?

Если да, то в каких формах оно может (должно) проявляться? Мера его оппозиционности официальной доктрине общественного развития?

Кто является его носителем (какие социальные силы)? Каковы организационные возможности этих сил?

Снята ли (окончательно) с повестки дня проблема национального лидерства?

Роль художественного сознания в современной ситуации. Каковы импульсы, формирующие некую общую направленность художественного процесса? (Имеются ли? Их правомерность, историческая обоснованность?)

Теоретический ответ на эти вопросы – дело будущего. Я бы хотел начать не с прямого, а с косвенного ответа. Состояние творческой личности – показатель, опосредованно несущий в себе ответ на ряд поставленных вопросов. Апатия, чувство раздвоенности (вплоть до крайне опасной активизации «двойника»), отсутствие цели, инертность творческой мысли, невротическая готовность взорваться по случайному поводу свидетельствуют об определенном вакууме, образовавшемся в сферах духовности.

Но... это может быть следствием недостаточного упреждения, укоренения новой (коммунистической, общесоветской) доктрины. Возможно, пройдут годы, и

казах, так же как и всякий другой житель этой страны, ощутит нечто родственное тому, что ощущали в свое время создатели современного американского общества – равноправную причастность к создаваемой совместно новой реальности. И на этом пути придут и вдохновение, и жизненный энтузиазм. И как следствие – полнокровная духовность.

Глупости! Всмотрись в судьбы ближних. Поколение за поколением обесчелоченные казахи следуют мимо истории, мимо созидательной человеческой жизни. Поколения, отбывающие срок на земле без огня, без мудрости, без души. Приоткрыта завеса, и за ней – ожесточение, бессмысленность взвинченных, таких несущественных, но так болезненно переживаемых чувств.

14/X.1977 г. День рождения Фатимы Зайнуллиновны Габитовой, матери моей и моих сестер и братьев. 74 года назад, в «Покров», пришла она в этот мир и покинула его в возрасте 64 лет. 64 года, вместившие самые сложные, драматические события, выпавшие на долю казахстанских тюрков в XX веке. Восстание 1916 года, разгул колонизирующей землю казачества, революция 17-го, иллюзии национальной интеллигенции, голод – репрессии, репрессии – ссылка, война, репрессии... и проблеск – реабилитация! – большие деньги, строительство дома и – болезнь, подточенные силы, свои и – безнадежно – детей... Работа, выживаемость. Властно-волевая натура, возведшая в культ, внушаемый и детям, чувство собственного достоинства. Мудрость последних лет, приводила в порядок архив, много писала, записывала на пленку – все это (особенно, в том, как писала и отвечала на письма) пропитано ощущением собственной историчности. Свято верила в то, что ее свидетельства, ее мысли нужны истории, людям (детям, внукам постольку, поскольку они – опосредующее звено, а истинный адресат – люди). Было время, едва ли не иронично относились мы, дети ее, к тому, что она делала, к известной патетичности в речах ее и письмах... Но вот проходит время... Видим, как испоганено печатное слово в современности... И ищем чистоты и серьезности... И счастье наше – ее дневники, письма (архив) сохранились. Когда-нибудь, в этом нет сомнения, архив ее обретет коммерческую ценность. Но сейчас уже имеет – духовную. Для меня лично настала пора несуетливого, внимательного прочтения всего, что ей написано.

Мы воздаем дань уважения, любви к ней тем в большей степени, чем основательней осознаем себя.

Татарка, попавшая в казахскую среду и разделившая с ней все тяготы. Бывают мечты, в общем-то осуществимые, но теми, кто грезит ими, неосуществляемые, остающиеся чистыми, крепкими, протяженными на всю жизнь иллюзиями. Такой мечтой, светлой иллюзией было для нее намерение съездить в Казань. Дань татарской генеалогии. Но знала, что навсегда останется на казахской земле, земле, впитавшей кровь и пот ее близких. Меня везла к найманам Аксу: «Баламның аяғын осы жерге байлайын деп келдім»¹.

18/X.1977 г. Остановиться... Бодрый хороводик суетливых дел грозит захлестнуть и в новом статусе. Не этого ради совершался переход.

Режим – как в школе, в вузе, в аспирантуре. На службе с 14.00 до 17.00. Остальное время – в библиотеке, дома. За письменным столом.

¹ Букв. «Я приехала, чтобы ноги сына привязать к этой земле».

* * *

Необыкновенный, особый человек Алан Георгиевич.

О чем же он так доходчиво и проникновенно рассказывал сегодня?

Плато Сары-Арка – прародина... культуры. Био-, геоклиматические обоснования. Уйма терминов, специальной лексики. За обеденным столом, неторопливо вкушая бульон, аргументировал самого себя.

Почему он не с А. П.¹, почему одну-единственную книгу создал, почему не покинет Казахстан?

14/XI.1977 г. Развязался с условностями вполне. Перешел на работу в СП. Без сожаления, без огорчений, без каких-либо душевных переживаний, легко и беззаботно расстался с институтом, с иллюзиями о М. И.²

Осень, осенний парк, густой листопад, порывы освежающего ветра. Дышит – думается.

Сорок лет исполняется брату Булату на днях. Сорок лет! Сед, грузен. Что еще? Честен? В бытовом обыденном сознании – да. В творческом? – Печален.

А я? А я? Напишу ли свое я?

Мой предмет живет, дышит, умирает, возрождается, возносится, разлагается и т. п., и т. п. – ворочается под боком, виден и требует осмысления с *моей* стороны. «Оставь в покое людей, займись мудростью великих» - это не для меня.

15/XI. 1977 г. Идея кочевья дает возможность развиваться мысли, длиться жизни.

Разрыв обреченной системы узконациональных стенаний.

Борьбу за национальное, социальное, гуманистическое переведем в иную плоскость. Нам, людям инобытия, это сподручнее и результативней.

18/XI.1977 г. Условие жизни слова – этичность.

Чувство справедливости – природное чувство. Либо есть, либо нет. Этика – храм, приют и убежище слова. Остальное – пути его странствий, начинающихся в храме и в конечном итоге к нему же приводящих.

Я – покинутый словами храм. Они – в миру, в чужих устах, ушах, в ночлежках и дворцах – бродят. Бродит сок слов... Они вернутся ко мне.

Весело-буйный хмель встречи с ними – впереди.

Я – храм, покинутый словами... и готовый к их возвращению.

20/XI.1977 г. Ни единой попытке живого действия делом или словом, предпринятой мной в духе моих общественных взглядов, не суждено было осуществиться в мере достаточной, чтобы об этом действии можно было бы судить сравнивая, анализируя и т. п. Каждый раз вступали в ответное действие силы, приводившие к пресечению, консервации, депопуляризации. Вечное усердие, гул работы, завершаемой всякий раз, и всякий же раз безрезультатно.

Анонимны ли эти силы? Отнюдь...

Конкретные люди, известны имена...

Долго ль ворону кружить?

¹ Академик А. П. Окладников.

² М. И. Исиналиев.

3/ХІІ. 1977 г. Я скован внутренне в той мере, в какой скована в своих возможностях духовность современных советских тюрок.

Это общая формула, в истинности которой я не сомневаюсь. Но уверенность моя покоится на ощущении. Поэтому я могу свой тезис выразить, но не обосновать. Между тем ситуация такова, что я должен преодолеть уровень, на котором застревает художественное сознание. Не настроений, а сформулированных концепций требует время. Последнее доступней и ближе мне не по природе, а по образованию и образу жизни. По своему психологическому складу я шизотимик. Склонен к крайностям и парадоксам, к пророчествам и оракульству. И этого не следует в себе подавлять. В то же время, сохраняя экзальтированную форму письма, направлять ее следует на анализ ситуации и судеб.

Таким образом, употребляя фразы типа приведенной выше, в контексте необходимо давать ответы или расшифровку сочных, густых слов и понятий. В данном случае – взвешенно, с готовностью в любую минуту объяснить и объясниться, использовать такие понятия, как «я», «современные советские тюрки», «духовность», и уметь аргументировать зависимость «я» и «тюрки».

Итак, сделаем прикидку.

«Я» – полуказах-полутатарин (биографическое обоснование апелляции к «тюлкам»), пишущий на русском языке (маргинален, социальное обоснование апелляции), 35 лет (возраст – объективное подкрепление шизотимическому свойству предельно серьезного отношения к слову; исключается беллетристика, простое повествование), отец – выдающаяся личность (писатель, ученый, потомок мусульманских просветителей в казахской среде), мать – татарка, с ярко выраженными гуманитарными способностями, разделила драматическую судьбу казахской интеллигенции советского периода (ссылки), человек решительного и твердого характера, с сильным чувством собственного достоинства.

«Я» – среда и условия воспитания: раннее детство – в ссыльной семье в староказахском глинобитном городе, ставшем в XX веке селом. Пруд, горы, сады, пыльная дорога, одуванчики, лягушата в теплой воде, цыпки на ногах, бородавки на руках сестер, мычанье коров, струйки молока, бьющие в звонкое ведро, голуби, куры, утки, собаки. Свинья – символ выживаемости. Ели дети. Взрослые и я – нет (подспудно – вера, что свинина делает русских сильными). Короче, пасторальные сценки вошли в сознание и закрепились в нем прочно.

Затем – город, казахская школа. Велосипеды, лыжи, много шоколада. Ружье, выезды за город. Русская школа. Реабилитация. Много денег, хмель многострадальной семьи. Вольность, ощущение счастья, подчиненности бытия, доступности его благ. Хулиганство во имя справедливости. Обострение чувства справедливости. Выстрелы из рогатки по окнам тех, кто, по мнению матери, доносил в 37-м.

«Я» – вуз. Центральный. Китайский язык. Восток. Везде – колонизация. Протест против Запада. Турецкий язык. Турецкие реформы, опыт освобождения от колонизации. Кончина отца в период начавшихся серьезных разговоров. Его желание видеть в «я» востоковеда, связанного с родной землей, ее проблемами. Его протест против раннего хмеля национализма в «я».

«Я» – «Жас тулпар» – поездки в аулы. Живой, конкретный патриотизм. Забота о банях, библиотеках, о духовности аула. Формы организованного патриотизма. Выбор специальности. ИМЛИ. Проблемы казахской духовности. Движение к

истории. *Целостность и процесс*. Наличное в казахской действительности – фрагментарность и застой. Конфликт. С государством и людьми. Государство – прозорливей. «Мама, слышит только ястреб песенку мою».

«Я» – возвращение в Алма-Ату. Опыты, опыты воспитания патриотизма. Отсечены официальные сферы. Остался круг друзей. Тупики, тупики. Метаморфозы вчерашних единомышленников. Вечер Махамбета. Порывы уйти. Аргументы государства мощней. Кроме одного – оно обезличивает людей, стирает в них творческое начало, и в этом не может оправдаться. Тезис антитоталитаризма. *Выбор* (право). Отказ от всех условностей государства. Презрение к его паспорту. Желание жить. Забвению все – профессию, специальность, близких. Неодолимая, как условие жизни, потребность вонзить словесный кол в глаз циклопа.

«Советские тюрки».

Реально (фактологически) – о казахах 70-х годов, по существу – о тюрках (алтайцы, казахи, киргизы, туркмены, узбеки и т. д.).

Растет демос. В спорте, в армии, в административно-партийной системе доля наша стремительно увеличивается.

Есть ли взаимопонимание?

Доминанта в хингано-карпатском прямоугольнике сейчас принадлежит славянскому элементу. Это переменная величина.

Важно ощутить меру. Речь не должна идти об антирусизме. Лишь в той мере, в какой снимается колониальный характер наших взаимоотношений. В этом смысле можно выходить на связь с русским инакомыслием. На этой основе в пределах существующих государственных границ можно бороться за государство нового типа. Необходим социально-экономический анализ этой возможности. (Черт бы побрал вчерашних единомышленников! Ведь были среди них грамотные экономисты. Ушли в быт, в устройство личных благ. Причины их отступления? Может, не так все просто. Может, оттого и отшатнулись, что не видят перспективы – и потому именно, что ее нет?)

Медленное (временами и не такое уж медленное) вымирание малых тюркских народов.

Контакты, связи, совместные действия.

«*Духовность*» – условный термин для обозначения действий, имеющих идеологический, политический, социально-экономический, военно-стратегический и тактический характер и направленных против существующей господствующей системы общественных отношений. Конкретная сфера термина – национальные отношения, понимаемые как отношения между славянским и тюркским элементами на их исконной территории – в «хингано-карпатском прямоугольнике степей».

Связь «я» и «тюрки».

«Я» может быть реализовано как художественное и шизотимическое только в том случае, если будет насыщено содержанием «тюркской духовности». В иных масштабах ему не быть. С другой стороны, «тюркская духовность» – возможна только при условии вполне определившегося, принявшего окончательное решение «я». Двойственность, расщепленность, смятение духа – не годятся.

Едва не увел меня Сариев в Отрар. Отец удержал. Сариева не следует забывать. Он умеет радикально вторгаться в жизнь, иногда – небезопасно для моего существования. Не боюсь его, но не считаться с ним – не могу.

5/ХІІ.1977 г. Думай, М., крепко думай!

1) Не лежит душа и – поздно: писать докторскую, делать карьеру, пускаться вдогонку тем, чьи идеалы и практику давно уже отверг как суету.

2) Ценность твоя и оружие – состояние совершенства.

Подчини режим биофизической жизни цели – в любую минуту дня и ночи, в любой ситуации быть в гуманитарной форме, мочь мыслить и действовать слово-мышлением.

3) Путь избран. Сотворен. Плата – отказ от ценностей, среди которых и незыблемые. Тени да не расстревожат души твоей...

23/І.1978 г. Исход второй недели уединенной жизни в доме на краю казахско-турецкого селения. Зима. Холод загоняет в дом. Чистейшим воздухом зимнего предгорья дышу эпизодически. Тишина. Гул огня в печи. Временами слушаю приемник. Вражьи голоса прорываются с трудом, глушат их бесцеремонно. Мозаичное чтение – журналы, случайные книги, собственные конспекты и записи прошлых лет. Живу словно в бункере. В ожидании. Неспешно. Словам выстроиться в последовательный текст шанса не даю – впервые за две недели взял в руки шариковую ручку. Пытался печатать, скоро прекратил. Машинка – не для меня. Оцепенение. Бывало такое и раньше. Но было в нем и нечто важное – канун, начало. Теперь же – нет. Обрыв, опустошенность.

Дни стоят морозно-солнечные. Рядом с домом река, за ней – круто – горы, недалеко – ущелье, скалистое, своеобразное, машине там не долго идти. Был – знаю. Дом построен вдовой О. Джандосова. Многострадальная, интеллигентнейшая женщина. С пониманием относилась к моим уходам-возвращениям. Возможно, относилась ко мне как к одному из бесчисленных внуков своих (правнуков), ради которых дом этот и выстроила.

Сосед – Мушай, родной дядя С. Д.¹ Десять лет – полный срок – валил лес. И еще десять лет – жил с пораженными правами, в постоянной опасности. Чудом спасся в 1951-м.

1978 г. «Наутилус». Так предложил назвать наш подвал Николай Степанович².

Со своей биографией и внутренней жизнью наш «Наутилус». Затопляем, но держится на плаву – непотопляем. Со стен высматривает плесень. Чем-то находят покормиться тараканы. Здесь было подполье бичей, алкоголиков, неприкаянных, неустроенных. Они-то и говорят самые душевные, выстраданные слова, и стены слышали их. Многое теперь изменилось. Оздоровление – по душе ли стенам «Наутилуса»? Похоже, присматривается подвал. Временами вздыхает тяжело, печально гудением труб, которым здесь – несть числа. Есть в нем бесспорное очарование. Всеми, сюда приходящими, хорошо ощущаемое, но и не просто определяемое в словах. Располагает к откровенности в беседах, но глубины не требует, здесь трудно углубиться. Дарит приют, утешение, но не откровение, не ярость, не достижение мыслью истин и решений. В духе расслабленного трепа прежних обитателей-завсегдатаев. Здесь можно насмеяться, иронизировать, получить заряд самоутешения. Можно расправиться с муляжами врагов, враждебных обстоятельств, смело рассчитывая на понимание, солидарность, одобрительный

¹ Санжара Джандосова.

² Н. С. Ровенский.

гул реплик, уколов-выпадов. Никому ни до кого здесь нет дела всерьез. Паром. А надо бы – субмарина.

Враждебен духу подвала вирус раздражения. И опасен. Здесь он может стремительно разрастись до быка ярости. Деятельный Олег¹ частенько вносит с собой с улицы, из суеты микробы взвинченности. Питательной среды в обычные, трудовые дни они вроде бы и не имеют, но как бы не набралось их в количестве, близком к критической массе. Тогда – взрыв, никому не нужный, с последствиями безрадостными, нелепыми.

Размеренный ритм и оздоровление вносит Клара, спокойно, деловито, ненавязчиво занимающаяся своим и нашим делом. Заботлива. Здесь это очень кстати.

Делом чести воспринимает для себя выпуск «Валихановских чтений» Николай Степанович. Надолго ли хватит настойчивости, боеспособности?

Крепко взялись за дело Рашид и Мурат².

Живем, трудимся, мечтаем – не высоко, но светло и по-доброму. Братья Нугмановы жизнеспособны. Step by step³ – к улучшению. Лепят аккуратно, без спешки, перестраиваясь по ходу, отступая, но неотступно свое доброе дело.

26/I.1978 г. Художественное произведение:

1) Одолевает время (дыхание эпоса о Гильгамеше, эпические сказания Гомера, дыхание Танской эпохи в поэзии Ду Фу, Ван Вэя, Бо Цзюй-и, надпись на «Айша-биби»: «Осень, тучи, жизнь прекрасна»);

2) Взламывает и преодолевает всевозможные политические, идеологические границы.

Национальное, истинно народное естественно становится общечеловеческим, достоянием общечеловеческой культуры.

В борьбе, в противостоянии сил Добра и Зла искусство, литература в лучших своих образцах – всегда на стороне Добра, Гуманности, на стороне индивида. История вершится над каждым отдельным человеком.

Историческое самосознание (обрели в 60-е годы – Отрар, Фараби, поэзию древних тюрков).

27/VI.1978 г. Почти каждый выезд из города совпадает с чьими-то бедами: болезни, операции, кому-то худо... И все воспринимается близко, и все же – отправляюсь в путь.

Никогда так много не встречалось змей, как в эту весну-лето. Опасные и по яду, и по сезону.

Все идет чередом, и радости – тоже, а рядом – крушенье, апокалипсис, его предвестье и предвестники.

Затяжные, бесконечные дожди, отсырела земля. Парадокс Арала: стремительно уходит-усыхает море, а дома в городке рушатся под тяжелыми ударами дождей.

Высвобождаются грибы, грибки, плесень, выползают и вырастают змеи.

Не слишком разборчивы, хватают и уводят не за грехи и прегрешенья, не кару несут за злодеяния, хватают и уводят мельтешащие частицы рода человеческого.

¹ Олег Дильмухамедов – археолог, автор замечательных краеведческих очерков.

² Братья Рашид и Мурат Нугмановы – знаменитые в настоящее время кинематографисты.

³ Шаг за шагом.

Апокалипсис в действии.

Змей Чюрлениса. Сила, относительно которой наши страсти, боренья, действия и противодействия – безмерно малы и беспомощны. Расшевеливает кончик хвоста змей Апокалипсис, а люди летят в бездну. Нет причинно-следственной связи в смерти, и это естественно для апокалипсиса.

30/VI.1978 г. Люблю беседы – застольные, на прогулках, у вечерних костров экспедиций. Умел, умел с помощью устного слова одолеть соблазны суеты, упорядочить ворох надежд и сомнений, обрести устойчивость духа. Эту любовь к устному слову выразил однажды в апологии, с которой выступил на конференции молодых писателей стран Азии и Африки. Помню один из тезисов: в условиях, когда письменное слово, зажатое в тисках цензуры, перестает быть дееспособным, устное слово продолжает сражаться и вносит вклад в сотрясение основ и производных чуждого времени.

Увлёкся хвалой живому, неподцензурному слову настолько, что сам же и стал последователем собою сотворенной проповеди.

И несколько лет, с весны до осени, витийствовал в степи, в горах, у вод вдали от города, бумаги и письменного стола. Исколесил много тысяч километров, в различных ситуациях побывал, держался в них в соответствии с кодексом покровителя путников Хызра (*Қыдыр* называют его казахи). И ощущал – уверенное, радостное равновесие с миром: рядом шло слово.

Укоренилась нелюбовь к письменному творчеству. Заманчивые предложения редакций вызывают чувство, близкое к физическому отвращению. Брался за их исполнение, корпел сутками, и самое большее, чего сумел достичь, – фрагменты, наброски, блоки концепций... Останавливался, не в силах одолеть брезгливое предощущение прикосновения крысиных лапок Цензора к слишком для меня дорогому и ему безусловно враждебному.

Мобильное, чутко реагирующее на перемены, умеющее нанести молниеносный, разящий удар устное слово – могучее оружие протеста и борьбы. Оно великолепно справляется с оборонительными функциями: поддерживает волю, разум и душу в ситуациях почти безвыходных. Ритмичность, образность, метафоричность, способность воодушевить, поднять людей в едином порыве – его атрибуты. Устное слово – номад, все свое, отменно отлаженное несущий с собой. В нем не умирают, не исчезают бесследно, как это случается в письменном слове, страсть, отвага и мудрость. В нем живо ощущение своей неповторимости и преобразующей мощи. Демократичное по своей сути, оно свято хранит верность морально-этическим ценностям.

В соборном послании Иоанна Богослова говорится: «Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами, а надеюсь придти к вам и говорить устами к устам, чтобы радость ваша была полна...» В казахском представлении истинное слово, несущее «полноту радости», не только сокровенно, но и жертвенно: «Жаксыдан сөз шығады жан секілді, Тамырдан аткылаған қан секілді...» – «Слово достойного исходит как душа из тела, как кровь, бьющая из вскрытых вен...» Один из эпитетов Иисуса Христа – «Слово-во-плоти», и это нам понятно.

И все же... Устное слово – пламя костра, дающего свет и тепло в эту ночь, в этом месте. Оно – роса на травах, исчезающая в полдень. В нем память о прошлом и мечта о будущем живут в свернутом виде, ибо занято оно настоящим.

хотя и настояно на незыблемо-вечном. Летящей в цель стреле – ему чуждо поступательное, противоречивое восхождение к истине.

В поисках путей национального самоутверждения естественен и необходим этап пространственной и временной космополитизации, позволяющий этносу осознать свое историческое бытие в процессе и в контексте судьбы рода человеческого. Именно на этой стадии резко возрастает значение различных форм гуманитарного мышления, дееспособность которых, конечно же, зависит от развитости зафиксированного в письменности языка. В этой ситуации главным импульсом в развитии этнокультурной среды становится познание, неотделимое от письменной культуры – и как объекта познания, и как средства и результата его осуществления. Воспитанный и развитый традициями и содержанием письменной культуры вкус к гуманитарным изысканиям, к логосу, к теоретическим обобщениям позволяет преодолеть региональную замкнутость, найти выход к фундаментальным идеям общественного развития, вооружиться объективными критериями прогрессивности. Приобщение к общечеловеческому духовному наследию, оформленному в письменном слове, облагораживает мысль, делает ее масштабней, выводит из тупиков и лабиринтов конкретных обстоятельств.

Понимаю, хорошо понимаю значение и силу письменного слова. И что мне до Цензора? Не им вдохновлен, не ему адресую свой путь.

В прикаспийской степи это было, в одиноком глинобитном домике. Зимняя ночь, раскаленная печь, верблюжий горб на ужин, добрые, натруженные руки, подающие чай, мой отрешенный, ожесточенный монолог о запретивших вечер Махамбета и – вспыхнувший в полутьме взгляд старческих глаз, и слова, волевые, твердые: почему не напишешь об этом?.. Другое время, другой дом, в селении, близком к советско-китайской границе. Утихомиривает голосистую стайку детишек женщина-мать, строго наказывает не шуметь, когда гость склоняется над листами бумаги... И во взгляде ее то же, хорошо знакомое, подсознательно-требовательное: «Выскажись!»

Избавленное от необходимости унижительных подтверждений собственной лояльности, целостное, концептуальное мышление – единственное дееспособное оружие в нашей ситуации. И это воистину великое оружие. Как бы мы впоследствии ни заземляли созданный в мышлении идеальный мир в интересах практической программы, он сохранит значение сложившейся мечты о национальной суверенности.

Опасаясь подвоха со стороны случайностей. Столько раз вторгались они в мою жизнь, что не считаться с ними не могу. Но в бесноватом разгуле случайностей, обратившем в золу и развалины не один из моих планов, есть обнадеживающий признак: при всей хаотичности, действие случайностей последовательно, хотя и нередко – бесцеремонно, направляло меня к моему нынешнему состоянию. Теперь понимаю: воля случая вышла на тропу войны прежде, чем война с тоталитарно-колониаторским режимом стала делом моей осознанной воли.

Пишу на русском языке, но не «по-русски». Русскоязычие – оружие формирующегося национального самосознания. Этого не замечает пока прорусский партийно-государственный аппарат, воодушевленный успехами языковой ассимиляции нерусских компонентов «новой исторической общности». Не видят этого те из соплеменников, в ком вытравлено чувство исторического оптимизма, кто не в состоянии видеть национальную жизнь как процесс, чреватый неожиданными ресурсами самообеспечения.

Прежде бывало так. Настраиваюсь, нащупываю интонацию. Разогреваются слова и мысли. Одна, часто случайная, залетная, фраза вдруг дает необходимый настрой. Слова перестают быть сложностью, охотно идут навстречу, предлагают себя на выбор. Люблю этот праздничный сбор слов под знаменами готовой к походам мысли.

Не то – на сей раз. Не дается начало. Долго вожусь с ним. Притаились, спрятались слова. Я к ним с призывом – одолеем молчанье, они настроже: как бы самим в нем не сгнуться. Долго в дольном мире отирались, суете прислуживали, иной цены за собой, кроме рыночной, не помнят, вот и страх у них и смятенье.

Слово – жизнелюб. Слово – прагматик. Твердых гарантий относительно своей перспективы требует. Нет у меня гарантий. Ничего обещать не могу. Какие могут быть гарантии в затее поднять современного казаха против самой могущественной государственной системы? Какую перспективу быть услышанным можно обещать слову, если взамен миру и сытости, интенсивному росту тела этноса предлагаешь такую эфемерную ценность, как национальное самосознание? Если делаешь это в среде вчерашних кочевников, склонных без особого смятения чувств отдавать предпочтение хлебу насущному в мало-мальски критической ситуации выбора между ним и благом духовности... В народе, жизненным принципом которого после катастрофических потрясений двух последних столетий не могла не стать выживаемость любой ценой. Прежде всего ценой отказа от суверенной мировоззренческой ориентации. Ценой утрированного подтверждения своей благонадежности.

Мало радости слову сулит встреча с очертаниями событий, раздавленных молчаньем. Слово знобит и лихорадит, когда оно касается их. Как можно не кричать о голоде 30-х годов? И возможно ли сбыть по рыночной стоимости сдавленный хрип протеста против «янки» и «наших жалких диктаторов»?

Нелегко будет слову, и легким оно быть не сможет. Кровоточат раны – не в храме академизма им исцеленье.

В горах, на высоких перевалах, всматриваясь в близкое, вмиг густеющее и тут же светлеющее небо, я видел лик Соратника. В высотах – простор. Там мыслям свободно. Там предел им в собственных возможностях, а не в возможностях цензоров, кураторов, немощных собеседников. В горы путь свой держу. Не избран я средой, но выдавлен ей. Луной и полумесяцем, родниками малых родин, смущенными духами местностей, обескураженной степью, робостью умом не слабых мужей и старцев, надломленностью сверстников.

Окончание следует.